

**МЕЖВУЗОВСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«ПЕРЕКРЁСТНЫЙ ГОД. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ —
РОССИЯ. ФИЛОСОФИЯ — ЛИТЕРАТУРА — ЯЗЫК»
(22 декабря 2016 г., Москва,
Литературный институт им. А. М. Горького)**

В обзоре представлены материалы основных докладов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Перекрёстный Год. Великобритания — Россия. Философия — литература — язык», прошедшей в Литературном институте 22 декабря 2016 г., а также работавшей в её рамках Байроновской мастерской.

Ключевые слова: английская литература, Уильям Блейк, Байрон, «Повести Белкина», Д. Г. Лоуренс, имагология, мультикультурализм, «Шильонский узник», «Паломничество Чайльд-Гарольда», «Дон Жуан», Кадзуо Исигуро.

Межвузовская научно-практическая конференция с международным участием «Перекрёстный Год. Великобритания — Россия. Философия — литература — язык» объединила четыре известных московских вуза: Литературный институт им. А. М. Горького, Московский городской педагогический университет (МГПУ), Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Высшую школу экономики (НИУ ВШЭ), а также Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. Конференция была организована при поддержке Британского Совета, издательства «Макмиллан» и Международного научно-образовательного центра им. А. А. Зиновьева (МГУ).

Основная идея конференции в разной огласовке прозвучала в выступлениях ректора Литературного института А. Н. Варламова, а также ведущего пленарное заседание, заведующего кафедрой зарубежной литературы, проф. Б. Н. Тарасова и представителя Британского Совета Лидии Кесед: во время, как и всегда, непростое в политических и экономических взаимоотношениях между Великобританией и Россией, мероприятия, проходящие в рамках Перекрёстного Года, призваны не только содействовать созданию благоприятной атмосферы для потепления общего климата, но и вызвать интерес к изучению языка и приобщению к великим национальным литературам — русской и английской.

Учредители не стремились установить жёсткие тематические рамки,

выступающим была предоставлена возможность сделать доклады из различных сфер гуманитарных знаний. Однако приоритет был, конечно, отдан литературе, что предопределялось самим местом проведения мероприятия — Тверской бульвар, 25, усадьба Литературного института.

Ниже приводим краткое содержание ряда докладов, представленных на конференции.

Доклад д. ф. н., ведущего сотрудника ИМЛИ РАН **Е. В. Халтрин-Халтуриной** «**О байронических фигурах в пушкинских “Повестях Белкина”**» посвящался проблемам влияния «байронизма» на тип поведения некоторых персонажей пушкинских «Повестей Белкина».

Наряду с угрюмой и загадочной внешностью, необузданный нрав — обязательное свойство байронического героя. «Байронизм» традиционно ассоциируется с идеями своеволия и «независимости» — независимости от господствующей идеологии, от консерватизма, от предрассудков общества, а временами — и от комплекса моральных устоев (ср. либертинизм и аутсайдерство). Именно мятежная, губительная «независимость» нравов (*independence*) является ключевым качеством байронического героя. В «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина» (1831), выписывая своевластные байронические поступки Сильвио, Бурмина, ротмистра Минского и байронические позы Алексея Берестова, Пушкин помещает этих персонажей в живописные ситуации. Два начала — байроническое (способное наносить урон) и живописное (способное затягивать раны) — в «Выстреле», «Метели», «Станционном смотрителе», «Барышне-крестьянке» постоянно борются, вступают в оппозицию. Байроническое, эффектно проявив свою сокрушительную силу, отступает — и в финале каждой повести торжествует живописный дух. О разных типах живописных образов, противостоящих байроническому натиску, рассказано в этой статье.

Доклад д. ф. н. МПГУ проф. **М. И. Никола** «**Н. П. Михальская и становление имагологии в отечественном литературоведении**» содержал характеристику имагологии как одного из направлений межкультурной коммуникации, которое стало складываться на Западе во второй половине XX века, а в России в 1990-е годы. Имагология ставит своей задачей изучение образа одной страны, её народа и культуры в глазах культуры иной. Имагологический образ рассматривался в докладе как явление развивающееся, обогащающееся, в котором постепенно определяются доминанты — имагемы. В докладе были выделены основные труды, способствующие становлению этого научного направления. Особое значение было уделено трудам проф. Н. П. Михальской, которая в своей монографии, посвящённой изучению образа России в английской литературе, на обширном историко-литературном материале, охватывающем тексты английской литературы от XIII до XIX века, показала процесс становления и развития имагологического образа, а также выявила определённые его закономерности. Н. П. Михальской были заложены и основы сравнительной имагологии в начатом ею изучении образа Англии в русской литературе.

В докладе также была представлена недавно вышедшая монография, посвящённая личности и творческому наследию Н. П. Михальской, — «Н. П. Михальская — учёный и педагог» (Москва–Самара, 2016), подго-

товленная учениками проф. Н. П. Михальской, преподавателями кафедры всемирной литературы МПГУ.

В докладе д. ф. н., проф. **О. А. Казниной** (ИМЛИ — Литературный институт) «**Д. Г. Лоуренс и русская литература**» рассматривалось восприятие русской классики и религиозно-философской мысли в творчестве одного из виднейших английских писателей XX века. Д. Г. Лоуренс (1885–1930) был не только поэтом и автором романов, но мыслителем и пророком своего времени, он смотрел на создаваемый людьми индустриальный и коммерческий мир как на рукотворный ад и призывал вернуться к жизни в гармонии с природой, в единстве с ритмами космоса. На протяжении всей жизни он создавал учение, в котором нашли отражение древняя мудрость Востока и новейшие научные представления, греческая мифология и ветхозаветная история, теософия и антропософия, мистика «четвёртого измерения» и открытия психоанализа. Важное место в выработке мировоззрения Лоуренса занимала русская литература и философия, в особенности творчество Толстого и Достоевского, В. В. Розанова и Льва Шестова. Лоуренс был также внимательным читателем своих современников И. А. Бунина, М. Горького, Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус. Он не только глубоко знал русскую литературу и философию, но внёс весомый вклад в перевод и издание произведений русских авторов, выступил как переводчик книги Л. Шестова «Апофеоз беспочвенности» и рассказа И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско». Лоуренс пошёл значительно дальше многих английских писателей, увлечённых русской культурой, находившейся в апогее своей популярности в Европе первой четверти двадцатого века. Он изучал русский язык и мечтал о новой России, где он сможет издавать свои романы и распространять своё учение.

В докладе д. ф. н. проф. **С. П. Толкачёва** (Литературный институт) «**Мультикультурный контекст современной англоязычной литературы**» были освещены проблемы так называемой мультикультурной литературы, возникновение которой обусловлено важнейшими историческими реалиями XX века — распадом колониальной системы и образованием постколониального пространства. Феномен «реактивной колонизации» — заселение бывшей метрополии гражданами бывшей империи — привело к возникновению особого слоя культуры и литературы в частности, которая и получила название «мультикультурной». Необходимо дать разносторонний анализ британской кросскультурной литературы, обобщить и вывести закономерности, которые лежат в основе гибридного мировидения писателей неанглийского происхождения, пишущих на английском языке.

Место, которое писатели-мигранты занимают в жизни и в литературе, можно лучше всего оценить, прибегнув к понятию «промежуточное пространство» («interstitial space»). Исследователь Х. Бхаба говорит о нём как о состоянии, которое позволяет накладываться и перемещаться территориям различия таким образом, что писатель-мигрант обнаруживает черты принадлежности к обоим мирам и в то же время не вписывается ни в один из них. Создавая прозу «в пределах» и «изнутри» таких пограничных зон, писатели-мигранты подвергают анализу и сомнению неравные взаимоотношения между людьми, расами и языками.

Мультикультурное мировидение и соответствующий ему художественный язык, специфика жанровой природы произведений писателей-мигран-

тов становится одной из важных форм познания, возникающих на полях доминирующей культуры, что может использоваться для переосмысления сложных и множественных мультикультурных реалий, которые составляют этнокультурное различие, лежащее в основе опыта людей, зачастую считающихся невозможным определить свою идентичность через культурные и политические коды, характеризующие доминирующую культуру.

Ключевая идея доклада д. ф. н. проф. МГПУ **И. А. Бирич** «**Мировоззренческие основы родного языка**» заключалась в утверждении того, что в фундаменте тезауруса любого языка лежит основной код, в котором раскрывается происхождение данного народа, раскрытый в эпической форме. Чем древнее народ, тем глубже в историю уходит миф.

Так, для славянского мифа характерны представления о троичности мироздания — верхнего мира (мира Прави), среднего мира (мира Яви) и нижнего (мира Нави). В каждом из миров правят свои боги, давшие названия самым дорогим для славян и русских духовных ценностей, оставшихся таковыми до сих пор. Главный миф заключается в утверждении того, что русичи являются Дажьбожьими внуками («Слово о полку Игореве»), то есть внуками солнечных богов.

В докладе к. ф. н. доцента МГПУ **Н. А. Шлемовой** «**Уильям Блейк. Попытка метафизического взгляда**» рассматривается художественный космос Уильяма Блейка, жившего на рубеже XVIII–XIX веков, намечается целостный обобщённый взгляд на уникальное и во многом ещё не разгаданное творчество поэта-философа, ставившего перед собой задачу создания новой мифологической системы, так называемой «Библии Ада», которая описывала бы сложнейшие перипетии человеческого духа в земной эволюции. Читая самые ранние из дошедших до нас мистических книг Блейка, можно обнаружить влияние каббалистического символизма, учения Якоба Бёме и средневековой магической философии. Видимо, эти идеи, столь отличные от формалистического учения Э. Сведенборга, помогли Блейку каким-то образом объяснять являвшиеся ему видения. Манифестом «натуралистических» взглядов Блейка стала его книга «Бракосочетание Неба и Ада» («The Marriage of Heaven and Hell», 1790), философский трактат и свод афоризмов одновременно, в которой автор сознательно имитирует библейскую стилистику. Как заявлено в самом названии, «Бракосочетание...» посвящено полемике с каноническим христианством, равно как и со взглядами Сведенборга. Как художественно-философский приём, отмечается двуплановость и эмблематичность сложных и многомерных образов поэзии Блейка, начиная от ранних: «Книги Тэль», «Песен Невинности и Опыта» и кончая его поздними философскими поэмами: «Мильтон» (1809), «Иерусалим» (1820) и др., более напоминающими литературные криптограммы. Воображение, по Блейку, это видение, а мир образов, безграничный и бесконечный, является миром Вечности. «Всё сущее на этой земле — тень», а поэтический гений равен совести. Боги, как первоосновы, суть наши Энергии. По прошествии времени, на фоне космизации сознания человечества, метафизические прозрения Блейка, выраженные в художественной форме стихов и картин, приобретают свою обострённую актуальность.

Некоторые аспекты современного англоязычного романа на примере романа Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня» (2005) были выделены в докладе

Ю. Ю. Иванова (Литературный институт). Творчество британского писателя Кадзуо Исигуро — яркое проявление мультикультурализма в современном литературном процессе. Кадзуо Исигуро синтезирует в своём творческом подходе британский и японский элементы. Британский элемент в романе «Не отпускай меня» заключается в сеттинге и описаниях окружающей обстановки (образы закрытой школы и Англии в целом), а также преемственности модернистской линии (заикленность персонажа на собственных переживаниях и воспоминаниях в духе Вирджинии Вульф и пр.). Японский элемент заключается в деформации воли главного героя и отсутствии хэппи-энда (что не свойственно западноевропейской христианской традиции, в соответствии с которой человек создан по образу и подобию Божию, в связи с чем смерть и боль всегда трагичны). Динамика, смысл, мотивы и в целом общее настроение романа указывают на наличие в авторе восточного менталитета, который вбирает в себя элементы синтоизма, буддизма, самурайской этики, и отражается в эмоциональной сдержанности и такой категории, как «моно-но аварэ» («печальное очарование вещей»).

В докладе **М. Н. Попова** (Литературный институт) затронута проблема освоения творчества Байрона русскими поэтами в XIX столетии.

Акцент сделан на переложении произведений Байрона В. А. Жуковским («Шильонский узник») и М. Ю. Лермонтовым. Лермонтов перевёл семь байроновских стихотворений. Среди них такие произведения, как «Еврейская мелодия», «В альбом» (2-я редакция) и др. Однако многое из наследия Байрона послужило в качестве своего рода заготовок, на основе которых были созданы известные лирические шедевры. При сопоставлении и тщательном анализе лермонтовских текстов с оригиналом обнаруживаются некоторые отклонения, «вольности». Однако переводы воспринимаются как цельные произведения («Душа моя мрачна»), подчинённые закономерностям ритмики русского стихосложения и особенностям синтаксиса русского языка. В докладе выявляется общее настроение, доминирующая тональность перевода и делается предположение, что лермонтовский текст в сравнении с оригиналом ближе духу Экклезиаста.

* * *

В рамках конференции состоялось заседание **БАЙРОНОВСКОЙ МАСТЕРСКОЙ** под руководством профессора Литературного института **И. А. Шишковой**. Проф. МПГУ **Е. Н. Чернозёмов** рассказала о том, как материалы по английской литературе и искусству привлекались в заданиях олимпиады по мировой культуре и как справлялись с ними ученики современной школы.

Доклад д. ф. н., проф. **И. А. Шишковой** «Новый взгляд на биографию Байрона» был посвящён изображению личности лорда Байрона в трёх современных художественных произведениях: «Роман лорда Байрона» Джона Краули (Lord Byron's Novel: *The Evening Land* by John Crowley, 2005), «Журнал Виктора Франкенштейна» Питера Акройда (*The Casebook of Victor Frankenstein* by Peter Ackroyd, 2008) и «Ребяческие влюблённости» Бенджамина Марковица (*Childish Loves* by Benjamin Markovits, 2011).

В письме к своей будущей жене Аннабелле Милбэнк от 6 сентября 1813 года Байрон писал о том, что главной целью его жизни является чув-

ственный опыт. Именно он толкает человека на неожиданные поступки. Как известно, манера поведения поэта в высшем обществе была такой же непредсказуемой, как английская погода. В задачи доклада входило рассмотрение сочетания и проявления различных эмоций творческой личности под влиянием погодных условий (в солнечный день, во время дождя или бури) и их воплощение в романах вышеназванных авторов.

В докладе д. ф. н. проф. **Б. Н. Тарасова** «Жизни странная звезда (Тема человека и золота в “Дон Жуане” Байрона и её перекличка в русской и французской литературе)» было подчёркнуто, что Байрон одним из первых отметил в «странной звезде жизни» «престранного зверя», как он называл человека, нигилистические последствия расцветавшего культа денег, перевёртывавшего иерархию ценностей в эксплуатации пороков и страстей личности при одновременно закономерном обесценивании и угасании в ней высших духовных свойств. В «вывихнутом мире» «эгоизма и произвола», как пишет он вслед за Гамлетом, в сердце человека образуются «новые пещеры и пустыни», развивается «странная болезнь» сребролюбия, которая искажает человеческие отношения и становится предметом изображения в произведениях Пушкина, Бальзака, Достоевского.

В докладе к. ф. н., доц. **Е. А. Кешоковой** «О “Шильонском узнике” Байрона (1816)» была дана характеристика этой первой исторической поэмы Байрона.

Первая историческая поэма Байрона «Шильонский узник» была написана в 1816 году. История швейцарского патриота Франсуа Боливара, проведшего 6 лет в подземелье Шильонского замка, воплотила для Байрона «доблесть лучших времён старинной вольницы». Написанная в жанре драматического монолога, поэма стала художественным выражением его понимания проблемы противостояния общества и человека.

Тема одиночества и внутреннего переживания этого одиночества разрабатывается Байроном с поразительной психологической глубиной. Он даёт читателю ощущение физического и психического состояния героя через ряд эмоционально окрашенных эпитетов, через картины его угасающего сознания, подчёркивая устрашающую пустоту безмолвия, которое поглощает его, сонорными окончаниями рифмованных двустихий. Звуки уходят в пустоту высоких готических сводов и умирают в вышине, не рождая отклика. Девятая строфа поэмы — 69 строк — наиболее драматична. Сознание лирического героя, суженное до критической точки почти физического ощущения смерти, начинает постепенно возвращаться. Появляются свет, цвет, звук и движение, появляется жизнь. Мир в его сознании начинает оживать и наполняться красками — в текст входят зрительные эпитеты. Его взгляд поднимается вверх к снежной вершине, и он видит орла, поднимающегося в небо. Если подробно рассмотреть символический ряд поэмы, то возникает образ восхождения и преображения души, недаром в заключительной строфе поэмы Байрон использует религиозную лексику (тюрьма — *hermitage*, герой — *a martyr*). Очень важна одна деталь — маленький остров с тремя деревьями и птицами, поющими в них. Исторический Франсуа Боливар не мог видеть этот остров, так как в XVI веке его не существовало, он был насыпан гораздо позже. Но Байрону важна эта деталь — это образ Рая. Герой внутренним взором видит

Райский сад, природа откликается на его страдания, наполняя его чувством любви и сострадания ко всему миру, тем, что все живые существа — «однодомцы в этом мире». И этот опыт внутреннего психологического переживания своей трагедии преобразует его и восприятие мира вокруг.

Тема доклада к. ф. н. **Я. Ю. Муратовой** (Литературный институт) «**Мотив цикла в поэме Байрона “Паломничество Чайльд-Гарольда”**» основывается на материале последней (IV) песни «Паломничества Чайльд-Гарольда», где поэт подводит итоги своего растянувшегося на несколько лет (1809–1818) паломничества на континент. «Физическое путешествие» переходит в ментальное: если в первых двух песнях поэт буквально «пел» то, что видел — катастрофическое положение народов и стран в период наполеоновских войн, то в IV песне он путешествует в пространстве истории, размышляя о судьбах былых тираний и империй.

Архитектуру песни можно представить в виде концентрических кругов. Внешний круг: судьбы могущественных когда-то держав (Афины, Рим, Венеция); внутри — отдельные судьбы поэтов, часто разрушенные властью и мощью имперских амбиций. Лирический герой вспоминает Данте, изгнанного из Флоренции, Торквато Тассо, закованного феррарским герцогом в доме умалишённых на 7 лет, других поэтов (Петрарка, Боккаччо), кого не коснулся державный гнев. Все они своим творчеством способствовали славе и величию своих государств, поэт предстаёт как одна из важнейших фигур в концепции власти: империи гибнут, и след/образ их существования и величия остаётся запечатлённым лишь в произведениях искусства. Таким образом, в IV песне Байрон создаёт свой романтический образ поэта, лишённый метафизики и идеализма, встроенный в историческую и социальную среду. Примером этому — собственная судьба лирического героя, образующая внутренний круг (или центр) поэмы. Мотив цикла дублируется в биографиях поэтов-изгнанников и исторических картинах гибели империй. Образ руин неоднократно повторяется в хронотопе песни, являясь одновременно метафорой поэта-странника и бывшего имперского величия.

В рамках конференции работала секция молодых участников: магистрантов, аспирантов, студентов, которых в равной степени интересует как английская классика, так и современная литература и культура.

М. Н. Попов